Е. А. Рыбина

АКЦИЯ «РУБЕЖА» В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТОРГОВЛЕ НОВГОРОДА: РЕАЛИИ ИСТОЧНИКОВ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Акция «рубежа» широко применялась в средневековой торговле, о чем свидетельствуют разнообразные письменные источники. Сама проблема «рубежа» как правовой нормы средневековой торговли долгое время подробно не рассматривалась в литературе, хотя это понятие и сам термин присутствуют практически во всех торговых договорах Новгорода с его партнерами, начиная с самого раннего, и встречаются в других, не только новгородских, источниках. Исключением является лингвистический анализ и исторический комментарий этого термина и производных от него слов, проведенный А. А. Зализняком в связи с изучением берестяной грамоты № 246.[1] Приходится только сожалеть, что этот надежно аргументированный и логически выстроенный анализ остается практически не востребованным историками.

Замечу, что термин «рубеж» неоднозначно трактуется в исторической литературе разными авторами. Н. М. Карамзин, рассказывая о событиях 1307 г., когда тверской князь Михаил *рубеж учинил* в Новгороде, трактует это действие как захват товаров или какого-то имущества и приводит примеры из договора 1372 г. между Новгородом и князем Михаилом («а что князь товаръ *порубилъ*» — т. е. захватил) и из статьи 1349 г. Псковской летописи («Посемъ же гостей Псковскыхъ *поруби*» (захватил)).[2] Точно так же трактовал термин «рубеж» известный историк экономического быта Великого Новгорода А. И. Никитский: «без рубежа, т. е. без насильственного захвата купеческих товаров».[3] Однако впоследствии этот термин применительно к торговой практике стали трактовать как арест купцов и заключение их в тюрьму («в поруб»).[4]

В работе А. А. Зализняка подробно рассмотрены термины «рубеж» и «рубити» (от древнерусского *рути* — «подвергать конфискации»), которые совпадают по звучанию со словом *рубеж* и производными от него словами, имеющими иные значения: «зарубка», «граница», «межа», «предел». Замечу, что смешение этих идентичных слов стало причиной ошибочных переводов и комментирования средневековых текстов в исторической литературе. Между тем большая группа аналогичных по

---

[1] *Зализняк А. А.* Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986. С. 168—174.

[2] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1988. Кн. 1. Примеч. к тому 4, гл. VII, стб. 90.

[3] *Никитский А. И.* История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893. С. 93, прим. 4.

[4] См.: *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978. С. 102. Особняком стоит по меньшей мере оригинальное мнение лингвиста А. В. Исаченко, утверждавшего, что «глагол *рубити* означает в Новгороде „вербовать в качестве наемников"». Однако в источниках этот глагол с таким значением не встречается. См.: *Зализняк А. А.* Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения С. 168, примеч. 38.

значению и близких по звучанию слов (*rubiti, porubiti, rubec* и других, означающих «подвергать конфискации») обнаружена исследователем в словенском языке. В разделе, посвященном термину «рубеж», А. А. Зализняк приводит убедительные примеры из разнообразных письменных источников, свидетельствующие об употреблении *рубежа* в значении конфискации имущества в торговой практике вплоть до XVII в. Поэтому нет необходимости повторять уже сделанное. Отсылаю интересующихся данной проблемой читателей к работе А. А. Зализняка,[5] здесь же, обращая внимание на разнообразные способы применения «рубежа», уточню некоторые детали и приведу наиболее яркие примеры.

Акция «рубежа» могла быть **прямой и косвенной**. В первом случае она применялась к непосредственному должнику, у которого истец конфисковывал его товар (или имущество) чаще всего в счет долга, но, возможно, и за какую-то иную вину перед истцом. Один из самых ранних примеров прямого «рубежа» зафиксирован в целиком сохранившейся берестяной грамоте № 776, датированной второй четвертью XII в. Она написана новгородскими купцами-складниками Ильей и Дмитром их торговому партнеру, ливу Мостке, в Псков. Один из авторов, который непосредственно писал это письмо, просит адресата рассчитаться за полученный товар, в противном случае грозится учинить «рубеж» («*а рути тя хоцю*»), т. е. в случае неуплаты долга имущество Мостки будет конфисковано.[6] Обращаю внимание на беспредложную форму выраженной угрозы. Немало примеров прямого «рубежа» содержится и в других письменных источниках, которые приведены в работе А. А. Зализняка.

Первое упоминание прямого «рубежа» в международной торговле Новгорода содержится в Новгородской первой летописи под 1134 г., когда «*...рубоша новгородць за моремъ въ Дони*»,[7] т. е. конфисковали товар у новгородских купцов в Дании. Само это сообщение вслед за известием 1130 г., когда новгородцы вернулись из Дании здоровыми («*а из Дони придоша сторови*»),[8] является свидетельством регулярных торговых связей между Новгородом и Данией в раннее время.

Косвенный рубеж заключался в том, что при отсутствии непосредственного должника (виновника, ответчика) конфискация производилась у третьих лиц, что впервые зафиксировано в берестяной грамоте № 246 (XI в.). Ее автор Жировит (житель Смоленска или Полоцка) грозит своему адресату, новгородцу Стояну, конфисковать в счет его многолетнего долга имущество знатнейшего новгородского купца, находящегося в городе, где живет Жировит («*хоцоу ти выроути в тя лоуцьшаго новъгорожянина*»).[9] Тот же термин «вырути» встречен еще

---

[5] *Зализняк А. А.* Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения. С. 170.

[6] *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1997 г. // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 26—42.

[7] НПЛ. С. 23.

[8] НПЛ. С. 22.

[9] *Зализняк А. А.* Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения. С. 170.

раз в грамоте № 332, найденной в слое рубежа XII—XIII вв. («*а хочю вырути у* …[такого-то]»).[10] В отличие от прямого, косвенный «рубеж» выражался в предложной грамматической форме, т. е. всегда указывалось, **из-за** кого или **за** чью вину (...***в тя*** — за тебя)[11] конфисковывался товар или предъявлялись претензии к третьим лицам. Новые находки грамот лишний раз подтверждают это правило. В 2004 г. в Новгороде в слое середины XII в. была обнаружена грамота № 952. В ней излагается драматическая ситуация, в которую попали новгородские купцы Радко и Вячешко, прибывшие торговать в один из древнерусских городов.[12] Они сообщают своему адресату, что за вину некоего новгородца Фомы, задолжавшего 400 гривен, их хотят арестовать и требуют уплатить долг Фомы: «*А хотять ны* ***яти въ Фому*** *съ Вяцьшькою, а мълъвя: „заплатите четыри съта гривьнъ или а зовите Фому семо*”» (перевод: «А нас с Вячешкой хотят арестовать **за Фому**, говоря: „Заплатите четыреста гривен или же зовите сюда Фому”»).

Особенно часто косвенный «рубеж» применялся в ганзейское время, что служило причиной постоянных конфликтов между Новгородом и Ганзой. Нередко новгородцы в ответ на разбойное нападение на своих купцов на море или их арест в немецких городах задерживали ганзейских купцов в Новгороде и отбирали у них товар за вину соотечественников. Наглядным примером косвенного «рубежа» и способа разрешения конфликта являются события 1337 г. Суть дела сводится к тому, что где-то под Нарвой были ограблены и убиты новгородский купец Волос с «братиею». В ответ новгородцы заперли в церкви немецких купцов, находившихся в Новгороде, и потребовали выдачи убийц и награбленного ими товара. И хотя арестованные немецкие купцы не имели отношения к совершенному убийству и ограблению, они тем не менее вынуждены были подчиниться новгородцам под угрозой смерти и выдать в качестве залога такое количество товара, какое было похищено у новгородских купцов.[13]

Переговоры между новгородцами и немецкими купцами велись долго, последние доказывали свою непричастность к происшедшим событиям, новгородцы же, защищая интересы своих сограждан, настаивали на удовлетворении их требований. Поскольку конфликт не был разрешен в самом Новгороде, в мае 1338 г. в Дерпте собрались послы всех заинтересованных сторон. В результате их переговоров была заключена договорная грамота об урегулировании конфликта.[14] В ней назывались истинные виновники происшедшего, которых немецкие города обязывались задержать и передать в суд. Родственникам убитого Волоса и его товарищей предлагалось предъявлять иск к названным лицам, а

---

[10] *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004. С. 432.

[11] См.: *Зализняк А. А.* Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения С. 173—174.

[12] *Янин В. Л., Зализняк А. А., Торопова Е. В.* Берестяные грамоты из раскопок 2004 г. в Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2005. № 3. С. 24—31.

[13] Hansisches Urkundenbuch (далее HUB) / Hrsg. vom Verein für Hansische Geschichte. 1879. Bd 2. N 599.

[14] ГВНП. С. 71—72, № 40.

к остальным немецким купцам претензий не иметь. Новгородцы были обязаны вернуть немцам их товар, взятый в качестве залога («*а что взят у гостя его товар, и то его вернуть*»).

Для предотвращения подобных конфликтных ситуаций в будущем («*будет после зло, убийство или другое побоище*») грамота 1338 г. предписывала истцу ведаться с истцом, а спорное дело решать там, где оно возникнет. Эти правила ранее уже были зафиксированы в торговых договорах, заключенных в конце XII в. и в XIII в. между Новгородом и немецкими купцами. Тем не менее косвенные «рубежи» постоянно происходили в новгородско-ганзейской торговле на протяжении XIV—XV вв., о чем свидетельствуют договорные грамоты и многочисленные ганзейские документы.

В начале 70-х гг. XIV в. между новгородскими и немецкими купцами произошел ряд конфликтов, которые послужили началом затяжному кризису в отношениях Новгорода и Ганзы, перешедшему в торговую войну, которая длилась почти до конца столетия. В этот период Новгород вел торговлю с Западом через Нарву (Ругодив), не входившую в Ганзейский союз. Замечу, что акции «рубежа» по отношению к новгородским купцам совершались и там, что известно из Нибурова мира 1392 г., положившего конец торговой войне между Новгородом и Ганзой. При его заключении ганзейцы снимали с себя ответственность за товар, который у новгородских купцов был *порублен* (т. е. конфискован) в Ругодиве, и настаивали, чтобы Новгород предъявлял претензии по этому поводу к непосредственным виновникам.[15]

Как видно из приведенных примеров, веками установленные правила почти никогда не соблюдались в торговой практике, и поэтому они постоянно повторялись во всех договорах. Точно так же из договора в договор переходило требование «*чистого пути без пакости и без рубежа*».[16] В XV в. терминология договорных документов изменилась, но суть осталась прежней — «*а купити и продати товар всякии без вывета и без рубежа*»;[17] при этом нередко законодатели ссылались «*на старину*». В некоторых случаях, связанных с урегулированием конкретного конфликта, ганзейцы настаивали на том, чтобы «*Великому Новгороду немецких купцов у себя не задерживать, а отпустить их в Немецкую землю с их товарами без рубежа, по старым грамотам*».[18]

Яркие примеры прямого и косвенного «рубежа» с указанием имен «порубных людей» и всех подробностей дела, а также процесса урегулирования акции «рубежа» содержатся в «Списке убытков новгородцев», составленном в 1412 г. из пяти разных текстов.[19] В одном из них

---

[15] ГВНП. № 46.

[16] ГВНП. № 42, 43.

[17] ГВНП. № 60, 72, 73.

[18] ГВНП, № 67.

[19] *Хорошкевич А. Л.* Новые новгородские грамоты XIV—XV вв. // АЕ за 1963 г. М., 1964. С. 273—276; *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 100—101; *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. С. 686—692.

излагается жалоба новгородских купцов на Зумбера,[20] который «*порубиле 10 новгородьцевъ*» в Нарве, взяв у них (т. е. конфисковав) бочку белок и отрез кумского сукна. Здесь мы имеем дело с прямым «рубежом», причем осуществленным представителем власти.

В другом документе пересказывается жалоба *порубных*[21] *людей* на то, что по повелению магистра Индрика (очевидно, ратмана Нарвы) у группы новгородских купцов (перечисляются их имена) был конфискован товар за вину других новгородцев. «Порубные люди», обращаясь с жалобой к новгородским властям, сообщают, что они пострадали «*за Павла за Кровчу, <...> за Огофона, за Симанова зъ братомъ его съ Яковомъ, за Мосея зъ детьми и за Пага Павлова <...> и за Смена за Коровина з детьми за Луку...*». Тут же пострадавшие указывают суммы, на какие у них был конфискован товар, и добавляют: «*а нас в том господа порубили*», т. е. «а у нас за это конфисковали». Обращаю внимание на грамматическую конструкцию с предлогом *в* или *за*, которая использовалась, когда речь шла о косвенном «рубеже», точно так же, как это было в XI и XII вв.

Нередко «рубеж» являлся внешнеполитической акцией, направленной против той страны или города, откуда прибыли купцы. Как правило, это происходило с ведома или по инициативе властей, что видно из только что приведенных примеров.

Во внутренней торговле Руси «рубеж» был способом давления в междукняжеских усобицах и в политической борьбе Новгорода с князьями. Начиная с 1268 г. и вплоть до 1471 г. договорные грамоты Новгорода с великими князьями непременно содержат условие торговать новгородским купцам в княжеской волости, в Суздальской земле, «*без рубежа, по цесареве грамоте*».[22] Тем не менее князья не раз применяли «рубеж» в политических конфликтах против непокорного Новгорода, о чем свидетельствуют летописные сообщения и договорные грамоты. Конфискация товаров, как правило, сопровождалась и блокадой торговых путей, ведущих к Новгороду.

Особенно напряженные отношения складывались у Новгорода в XIV в. с тверскими князьями; острые конфликты происходили в 10-е и в 70-е гг. столетия, когда в Твери по велению князя задерживали новгородских купцов с товарами. В 1312 г. тверской князь Михаил перекрыл дороги к Новгороду, «*не пустя обилья в Новъгород*».[23] Аналогичные события происходили и в 70-е гг. XIV столетия, когда во время конфликта с Новгородом в Твери были захвачены товары новгородских и новоторжских купцов и закрыты торговые пути к Новгороду. Причем эта акция проводилась с санкции самого князя: «*а что князь Михаил товар порубил братьи нашеи...*».[24] Конфискованный товар, согласно заклю-

---

[20] Судя по другим документам этого комплекса, Зубер был одним из ратманов Нарвы.

[21] Термин *порубные люди* обозначал пострадавших от конфискации за вину других людей.

[22] ГВНП. № 3, 6, 7, 9, 11, 13—15, 18—20, 22, 26. Датировку актов см.: *Янин В. Л.* Новгородские акты... С. 147—162, 165—171, 173—177, 179—181, 189—191.

[23] НПЛ. С. 94.

[24] ГВНП. № 17.

ченному между князем и Новгородом миру, должен был быть возвращен новгородским и новоторжским купцам: «*а что товар поиман у новгородских купцов и у новоторских из лодии рубежом до новоторского взятья, тот товар князю Михаилу подавати новгородским купцам и новоторским все чисто по целованию. А гостю гостити с обе половины без рубежа*».[25]

Отмечу, что в случае неуплаты долга акция «рубежа», судя по источникам, совершалась не сразу; должнику давался определенный срок для выплаты долга. Напомню, что в берестяной грамоте № 246 речь идет о девятилетней задержке долга: «*...како ты оу мене и чьстьное дрѣво възъмъ и веверицъ ми не присълещи, то девятое лето...*».[26] Механизм действия «рубежа» раскрывается в проекте торгового договора 1269—1270 гг.: «*А дойдет до задержания имущества, то в первый год объявить о том, но не брать, и на другой год тоже; а если не будет выплачено на третий год, то задержать и взять его товар*».[27]

В связи с проблемой «рубежа» большой интерес представляет единственное в своем роде подробное сообщение Новгородской первой летописи под 1188 г. о столкновении между новгородскими и иноземными купцами: «*Въ то же лѣто роубоша новгородьце варязи, на гътѣхъ немьце, въ хороужьскоу и въ новотържьце; а на весноу не пустиша из Новагорода своихъ ни одиного моуж за море, ни съла въдаша варягомъ нъ поустиша я без мира*».[28] С момента публикации летописи это свидетельство вызывало пристальный интерес многих поколений историков и стало темой возобновлявшихся время от времени острых дискуссий, вызванных неоднозначностью перевода слов «рубоша», «хоружек» и «новоторжец» и общего понимания происшедшего конфликта.

Н. М. Карамзин, первым обративший внимание на это сообщение, отмечал неясность летописного текста, недоумевая, кто кого «рубоша»: новгородцы ли варягов или варяги новгородцев? Что такое Хоружка? При этом под упомянутыми в летописи «новоторжцами» Карамзин, в отличие от последующих интерпретаторов данного сообщения, видел жителей Торжка («новоторжцами назывались жители Торжка»), а глагол «рубоша» переводил в данном случае как «заточили».[29]

В дальнейшем к событиям 1188 г. неоднократно обращались российские и зарубежные исследователи, многие из которых связывали летописный рассказ 1188 г. с так называемым Сигтунским походом новгородцев в 1187 г. В российской историографии версия о Сигтунском походе и его связи с конфликтом 1188 г. всесторонне рассмотрена в от-

---

[25] ГВНП. № 18.

[26] *Зализняк А. А.* Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения. С. 170.

[27] ГВНП. № 31.

[28] ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 19. Сознательно привожу текст по первой публикации, поскольку в дальнейшем издатели иначе расставляли знаки препинания, что само по себе свидетельствует о неоднозначности интерпретации этого летописного сообщения разными исследователями.

[29] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. 1, т. 1—4, примеч. к тому 3, гл. III, стб. 43.

дельной главе полемической работы И. П. Шаскольского о борьбе Руси против крестоносной агрессии на Балтике.[30]

В данной статье нет возможности подробно рассматривать источниковую базу и историографию этого события. Замечу только, что произошедшее в 1187 г. разорение Сигтуны некими язычниками не имеет никакого отношения к новгородско-шведским отношениям конца XII в., тем более что к этому времени новгородцы уже 200 лет были христианами. Связь разорения Сигтуны с якобы военным походом новгородцев, захватом ими в качестве трофея бронзовых врат и последовавшим за этим конфликтом 1188 г. является историографическим мифом, возникшим в результате вольной интерпретации краткого известия, сохранившегося в пяти шведских анналах XV в.: «*Убит Иоанн, архиепископ Упсальский, у Альмарнум язычниками накануне августовских ид и погребен в Упсале. Тогда же сожжена Сигтуна теми же язычниками*».[31]

Что касается интерпретации самого летописного сообщения, то почти все без исключения исследователи трактуют его как заключение новгородцев в тюрьму (*рубоша* — посадили в *поруб*) варягами на Готланде и немцами в Хоружке и Новоторжце, предполагая под последними названиями самые различные топонимы на европейском севере. Подробная сводка мнений отечественных и зарубежных исследователей по этому поводу приведена в работе И. П. Шаскольского. Вслед за другими исследователями он переводит первую часть летописного рассказа под 1188 г. следующим образом: «порубили новгородцев варяги на Готланде, [а] немцы в Хоружке и Новоторжце».[32] Этот перевод был активно поддержан датским историком Дж. Линдом в обзорной статье о конфликте 1188 г. и о местонахождении Хоружка и Новоторжца.[33]

Вместе с тем существовала и противоположная точка зрения, высказанная еще в XIX в. А. Х. Лербергом, который считал, что в летописи говорится о заточении варягов новгородцами.[34] Спустя 100 лет аналогичного мнения придерживался известный исследователь немецко-новгородских отношений Л. К. Гётц, который считал, что пострадавшей стороной в данном конфликте были немцы и речь в летописи идет об их столкновении с новгородцами на территории Руси, где они встретились как конкуренты.[35]

Диаметрально противоположные комментарии сообщения 1188 г., разнобой в переводе термина «рубоша» и толковании слов «хоружек» и «новоторжец» являются свидетельством неточного прочтения, а отсюда и неадекватного понимания летописного текста. Не случайно многочисленные лингвистические попытки обосновать географические названия, исторические комментарии сообщения НПЛ оставались дискус-

---

[30] См.: *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии… С. 72—105.

[31] См.: Там же. С. 79.

[32] См.: Там же. С. 101—104.

[33] *Lind J.* Varager, nemeer og novgoroder ar 1188. Hvor var Chorzek og Novotorzeek? // Historisk Tidskrift for Finland. 1981. N 2. P. 145—177.

[34] *Лерберг А. Х.* Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб., 1819. С. 109.

[35] *Goetz L. K.* Deutsch-russische Handelsvertrage des Mittelalters. Hamburg, 1916. S. 65.

сионными в течение более 150 лет. Все они грешили различными допущениями и предположениями и, что особенно важно, не были безупречны в лингвистическом отношении.

Мнение Лерберга и Гётца было легко опровергнуто отсутствием в Древней Руси населенных пунктов с названиями *Хоружек* и *Новоторжец*. Остальные исследователи, как уже отмечалось, были едины в том, что согласно летописному сообщению 1188 г. новгородские купцы были арестованы (посажены в тюрьму) варягами на Готланде и немцами в городах *Хоружек* и *Новоторжец*, которые оставалось лишь найти на карте. Это и стало предметом дискуссии на многие годы, поскольку нигде на европейской карте не обнаружено населенных пунктов с такими (или подобными им) названиями. В качестве претендентов назывались самые различные пункты на территории Финляндии и Швеции. Чаще других предлагались города на восточном побережье Швеции – Thorshälla (Торсхэлла) и Nyköping (Нючепинг), которые якобы и были обозначены новгородским летописцем как Хоружек (транскрипция названия Торсхэлла) и Новоторжец (прямой перевод названия города Нючепинг). Между тем уже сама многовариантность претендентов на летописные пункты не может не вызывать сомнений в их объективной атрибуции.

Рассматриваемое летописное сообщение стало предметом специального лингвистического анализа, проведенного А. А. Зализняком в связи с изучением берестяной грамоты № 246, о чем говорилось в начале данной статьи. Разнообразный сравнительный материал позволил автору точнее перевести и летописную статью 1188 г. в соответствии с грамматическими нормами древнерусского языка: «В том же году варяги, на Готланде немцы, конфисковали товар у новгородцев за вину Хоружка и новоторжцев».[36] Прямые аналогии этой конструкции содержатся в упоминавшейся берестяной грамоте № 246 XI в. и в ряде других документов, примеры из которых приведены в лингвистическом разборе А. А. Зализняка и в данной статье. Особенно следует подчеркнуть разъяснение лингвиста по поводу грамматической формы *новоторжец*. По нормам русского языка она совершенно исключена для названия города и может обозначать только жителя города Новый Торг (Торжок). Напомню, что точно так же понимал этот термин еще Карамзин.

Перевод А. А. Зализняка как нельзя лучше соотносится с историей торговых отношений в Балтийском регионе, не оставляя темных мест и «загадок» в летописном сообщении 1188 г. На протяжении X—XII вв. главным транзитным пунктом балтийской торговли был остров Готланд, куда приезжали и где останавливались купцы, торгующие в Балтийском регионе. Новгородцы имели там свое подворье, точно так же, как готские купцы уже в начале XII в. устроили свой гостиный двор в Новгороде.[37] Между тем во второй половине XII в. в балтийской торговле происходят существенные перемены, обусловленные появлением на

---

[36] *Зализняк А. А.* Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения. С. 174.

[37] *Рыбина Е. А.* Иноземные дворы в Новгороде XII—XVII вв. М., 1986. С. 15—19.

Балтике немецких купцов. Наряду с Готландом в середине столетия важное торговое значение приобрел город Любек, который начал устанавливать прямые контакты с островом. Большое значение для упрочения торговых отношений Готланда с Любеком имел договор 1163 г., по которому готским купцам предоставлялся ряд привилегий с условием, что они будут посещать Любек.[38] Сами немецкие купцы охотно посещали готский рынок и даже переселялись на постоянное жительство в центральный город острова — Висбю, основав там в 80-е гг. XII в. свою купеческую общину (gilda communis).[39] Обосновавшись на Готланде, немецкие купцы вступили в прямые контакты с давними партнерами готов — новгородцами и стали налаживать с ними торговые отношения, вытеснив со временем первых с их ведущих позиций в новгородской торговле.

Что же случилось в 1188 г.? Согласно переводу А. А. Зализняка из летописного сообщения под 1188 г. следует, что новгородский купец Хоруг и новоторжские купцы (жители Нового Торга, входившего в состав Новгородской земли) в чем-то провинились перед немецкими купцами на Готланде, скорее всего, оказались их должниками. Ввиду отсутствия непосредственных должников (Хоруга и новоторжцев) немцы за их долг конфисковали товар у других новгородских купцов, прибывших на Готланд. Не исключено, что это было первое столкновение между новгородскими и немецкими купцами, поскольку последние незадолго до указанной даты поселились на Готланде.

Примечательно, что в первой части сообщения летопись расшифровывает, о каких варягах идет речь. Поскольку варягами назывались жители Готланда, а конфликт произошел с немецкой общиной, летописец объяснил, что в данном случае под варягами имеются в виду немцы, живущие на Готланде: «*варяги, на Готах немцы*».[40] Кстати отмечу, что именно так расставили знаки препинания и первые издатели НПЛ.

Несправедливая конфискация новгородских товаров на Готланде вызвала ответные меры новгородцев, не пустивших весной 1189 г. своих купцов за море и отправивших варягов, находившихся в Новгороде, «*без мира*» и без сопровождающего («*съла*», т. е. посла): «*а на весну не пустиша из Новагорода своихъ ни одиного мужа за море, ни съла въдаша Варягомъ, нъ пустиша я без мира*».[41]

Таким образом, торговые поездки между Новгородом и Готландом были прерваны. Однако взаимная заинтересованность сторон в продолжении торговли потребовала скорого урегулирования конфликта, что выразилось в заключении торгового договора от имени князя Ярослава

---

[38] HUB. Bd 1, N 15.

[39] *Yrwing Hugo.* Visby — Hansestad på Gotland. Fingraf Truckeri AB, Södertälje, 1986. S. 415—417.

[40] Между тем автор альтернативного перевода И. П. Шаскольский, стремясь оправдать в летописном рассказе появление термина *немци*, пишет, что если варягами новгородцы называли жителей Готланда, то под немцами в данном случае следует подразумевать жителей материковой Швеции, хотя приводит сведения о том, что уже в XII в. новгородцы называли их *свеями*.

[41] НПЛ С. 39.

Владимировича, посадника Мирошки, тысяцкого Якова и всех новгородцев с послом Арбудом, с немцами и с готами.[42] Заслуживает внимания тот факт, что на первом месте после имени посла в нем названы «*немецкие сыны*» как главные действующие лица происшедшего конфликта.

Этот документ, первый из дошедших до нас торговых договоров Новгорода, сохранился на одном пергаменном листе со следующим торговым договором, заключенным в XIII в. при Александре Невском. Поскольку прямой даты договор не имеет, основой его датировки стали годы княжения в Новгороде Ярослава и правления посадника Мирошки (1189—1199 гг.), от имени которых он был заключен. Анализ исторических событий конца XII в., время действия должностных лиц, упомянутых в преамбуле договора, позволили уточнить дату его заключения в пределах 1191—1192 гг.,[43] что принято теперь в исторической науке.[44]

В этом договоре, очевидно, впервые были закреплены сложившиеся на практике правила торговли. Наряду с разнообразными статьями уголовно-правового характера, восходящими к «Русской Правде» и городскому праву Висбю,[45] в нем содержатся статьи, непосредственно регулирующие состоявшееся «розмирье». Устанавливалось, что любое спорное дело, возникающее в торговых делах немцев в Новгороде или новгородцев «в немцах», не должно быть поводом для конфискации товаров («рубежа не творити») или для прекращения торговли. Договор также предписывал предъявлять иск только виновным лицам, а не наказывать всех немецких или новгородских купцов в случае нарушения одним из них правил торговли. Эти статьи являлись, с одной стороны, непосредственным откликом на учиненный новгородцам «рубеж», с другой — закрепляли юридические нормы торговых отношений на будущее. В действительности, как не раз отмечалось, эти правила соблюдались очень редко, и поэтому они неоднократно повторялись во всех последующих договорах.

Результатом урегулирования конфликта 1188 г. стало устройство в Новгороде в 1192 г. Немецкого двора с церковью св. Петра.[46]

Казалось бы, после убедительно аргументированного перевода А. А. Зализняка, когда летописный текст стал совершенно ясным, а события, в нем изложенные, легко объяснимы сложившейся в конце XII в. торговой ситуацией в Балтийском регионе, в длительной дискуссии о летописном сообщении 1188 г. можно было поставить точку. Тем не менее к этому сообщению вновь обратился историк Джон Линд, опубликовав на русском языке статью под интригующим названием «Загадочная статья Новгородской первой летописи. Что случилось в 1188 го-

---

[42] ГВНП. № 28.

[43] *Рыбина Е. А.* О двух древнейших торговых договорах Новгорода // НИС. Л., 1989. Вып. 3 (13). С. 43—50.

[44] *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв. С. 81.

[45] *Покровский В. С.* Договор Новгорода Великого с Готландом и немецкими городами 1189—1195 гг. как памятник международного права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. Л., 1959. С. 99—100.

[46] *Рыбина Е. А.* Иноземные дворы в Новгороде... С. 15—19.

ду?».[47] Она посвящена критике перевода А. А. Зализняка, его лингвистического комментария глагола *рубити (рути)*, а также отдельных аспектов моей интерпретации исторических событий конца XII в.[48]

Статья Дж. Линда производит впечатление тщательного критического анализа всех аргументов его оппонентов. Автор подробно излагают историю вопроса, что само по себе чрезвычайно полезно, и далее высказывает свои возражения. Кажется, что он всесторонне рассмотрел все аспекты нового перевода и его исторического комментария. На самом деле это не так. Дж. Линд не замечает или сознательно оставляет вне поля зрения основные аргументы оппонентов, о многом умалчивает, и эти умолчания не случайны; все они касаются тех положений в работах А. А. Зализняка и Е. А. Рыбиной, которые не вписываются в казалось бы стройную схему оппонента. Поэтому не считаю возможным останавливаться подробно на общих рассуждениях Дж. Линда, иначе пришлось бы приводить длинные цитаты из его сочинения и так же пространно отвечать, что не является целью настоящей статьи. Вместе с тем не могу не возразить по существу дела и не обратить внимания на некоторые пассажи в статье Линда, вызывающие вопросы.

Автор не учитывает (или не понимает) разницы между двумя глаголами: *рути (*позднее *рубити*) в значении «конфисковать товар или имущество» и *рубити* — «посадить в *поруб*». Отсюда некорректные ссылки на летописные статьи 1146 и 1176 гг., где речь идет о военно-политических столкновениях, в результате которых одних из участников *порубиша*, т. е. арестовали и посадили в поруб. Свидетельством тому, что ранняя форма *порубоша* (конфисковывать имущество) постепенно превратилась в *порубиша* с тем же значением, является цитированный выше «Список убытков новгородцев» 1412 г. Таким образом, в русском языке появилось два одинаковых глагола *рубити*, имеющих разное значение, что подробно рассматривается в работе А. А. Зализняка.

Упрек по адресу А. А. Зализняка в том, что он не приводит достаточных лингвистических аргументов в пользу своего перевода, а опирается главным образом на исторические факты, выглядит по крайней мере странным. Дело в том, что в работе А. А. Зализняка в первую очередь рассматриваются как раз все лингвистические аспекты как летописного текста, так и приведенных аналогий, исторические же факты даны в качестве подкрепляющего основные выводы автора дополнения. Этого не понял или не захотел понять Дж. Линд.

Как уже отмечалось, прямая конфискация грамматически выражалась беспредложным управлением глагола: *хочу рути* (берестяная грамота № 776). Косвенная конфискация у третьих лиц оформлялась обязательным употреблением предлога *в* (*вырути в тя* – грамота № 246) или *за*, что прекрасно продемонстрировано в упомянутом «Списке убытков новгородцев». Вместе с тем абсурдно предполагать в любом предлоге *в*, встречающемся в летописи, только указанное значение. Совершенно

---

[47] *Линд Дж.* Загадочная статья Новгородской первой летописи. Что случилось в 1188 году? // Архив русской истории. М., 1994. Вып. 4. С. 191—205.

[48] *Рыбина Е. А.* Иноземные дворы в Новгороде... С. 28—31.

очевидно, что в большинстве случаев этот предлог употреблялся для обозначения места действия. Между тем Дж. Линд упрекает А. А. Зализняка в том, что тот согласно своей концепции летописное словосочетание «*в Дони*» («*...рубоша новгородць за моремъ въ Дони*» — 1134 г.) не переводит как «из-за вины человека по имени Доня», а принимает это выражение в общепринятом значении «в Дании». Ирония критика в данном случае совершенно неуместна: термин «Донь» или «Доньская земля» в значении «Дания» хорошо известен современным исследователям. Напомню, что за четыре года до цитируемого сообщения (т. е. в 1130 г.) в НПЛ содержится известие, что из Дании новгородцы вернулись здоровыми («*а из Дони придоша сторови*»).

Приведу и конкретный пример недобросовестного прочтения критикуемого текста. Дж. Линд сомневается в том, что слово «Хоружек» может быть русским личным именем: «Знает ли, однако, Зализняк какие-нибудь другие примеры его (имени Хоружка. — *Е. Р.*) употребления? Сомнительно даже употребление имени *Хоруг*, от которого, как предполагается, произошло *Хоружка*» (С. 202).[49] Между тем в критикуемой Линдом работе А. А. Зализняка указаны аналоги этому имени, в частности назван псковский сотский *Хоруз*.[50] Уважаемый оппонент, конечно, может указать на несовпадение окончаний, однако здесь мы имеем дело с эффектом второй палатализации, когда в живой разговорной речи на северо-западе Руси долгое время употреблялось *з* вместо *г*; *к* вместо *ц*; *х* вместо *с*. Примеры этого эффекта неоднократно встречены в новгородских берестяных грамотах, особенно раннего периода.

Дж. Линд ссылается на авторитет финского лингвиста Й. Й. Микколы, безоговорочно принимает его интерпретацию,[51] отмечая в связи с этим достигнутую ясность структуры летописного текста. Если бы такая безусловная ясность существовала, вряд ли возникли бы новые версии перевода и иные интерпретации летописной статьи. К тому же со времен Й. Й. Миколы (после 1927 г.) наука обогатилась новыми источниками, чтение древнерусских текстов продвинулось далеко вперед. Благодаря находкам берестяных грамот удалось уточнить значение многих непонятных терминов в том числе и в НПЛ. Возможно, что и замечательный лингвист Й. Й. Миккола использовал бы в своей работе новые материалы и не настаивал на первоначальном комментарии летописной статьи.

Представляется странным заявление автора о том, что не следует искать параллели летописным терминам за пределами самого текста летописи (С. 205). Если бы исследователи следовали этому совету, вряд ли им удавалось бы правильно восстанавливать значения неясных слов и терминов в различных письменных источниках.

---

[49] Здесь и далее в тексте указаны страницы из статьи Дж. Линда с тем, чтобы многократно не повторять одну и ту же ссылку.

[50] См.: *Зализняк А. А.* Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения. С. 173.

[51] Статья Й. Й. Микколы, где он предложил считать Новоторжец переводом шведского города Нючепинг, а Хоружск — транскрипцией Торсхэлла (в древности Thorsharg), вышла в 1927 г. (см.: *Mikkola J. J.* Novgorodernas kriegståg till Finland intill år 1311 // Historisk tidskrift för Finland. 1927. H. 2. S. 70).

Дж. Линд задается риторическим вопросом (С. 202), почему столь мелкое (с его точки зрения) событие, как конфискация товаров у некоего Хоружка и жителей Торжка, нашло отражение в НПЛ. Ответ простой: потому что из-за этого конфликта произошел разрыв торговых отношений между новгородскими и немецкими купцами, чему и посвящена летописная статья 1188 г. Дж. Линд совершенно опускает вторую часть этой статьи, которая рассказывает о развитии событий: «*а на весну не пустиша своего мужа <...> ни сла даша варягом*». Линд неоднократно подчеркивает, что он историк, а не лингвист; в таком случае ему как историку должно быть известно, что вся история новгородской торговли была наполнена разного рода бесконечными «розмирьями» и что любые торговые конфликты, какими бы мелкими они ни казались современному историку, всегда регулировались официальными властями Новгорода (князем, посадником, тысяцким, архиепископом) путем переговоров и заключением очередного торгового договора.[52] Однако сведения об этом почти никогда не попадали на страницы летописи. Конфликт 1188 г. привлек внимание летописца, очевидно, потому, что в нем впервые участвовали новые торговые партнеры новгородцев – немецкие купцы. Исключительность летописного известия 1188 г. уже отмечалась выше, лишь спустя 200 лет в НПЛ появляется еще одно сообщение, связанное с урегулированием торгового конфликта. Речь идет о переговорах в 1391 г. в Изборске новгородских и немецких послов о заключении мира после затяжной торговой войны, о восстановлении немецких дворов в Новгороде.[53]

Вызывает недоумение рассуждение Дж. Линда по поводу термина «немцы», утверждающего, что «этническое наименование „свеи" для шведов было постепенно заменено уничижительным конфессиональным (?! — *Е.Р.*) определением „немцы". Факт, который Зализняк, как мы сейчас увидим, не принял в расчет» (С. 202). Действительно, Зализняк не мог принять в расчет столь оригинальное определение термина «немцы»,[54] хотя бы потому, что на протяжении XII—XVII вв. шведы в русских документах, в том числе и новгородских, называются «свеи» или «свейские немцы». Что касается ссылки Дж. Линда по этому поводу на И. П. Шаскольского, который якобы отождествлял шведов с немцами, то это слишком вольная интерпретация мнения последнего. На самом деле И. П. Шаскольский, как я уже отмечала ранее, знал, что «шведы материковой Швеции в XII в. уже назывались новгородцами „свеи"».[55] Чтобы дать логичное объяснение появлению в летописном сообщении термина «немцы», он предположил, что в данном случае этот термин следует понимать как «свейские немцы», т. е. шведы.[56]

---

[52] См.: ГВНП, № 28, 29, 31, 40, 41, 44—46, 49, 51, 53, 56, 57, 61.

[53] НПЛ. С. 384.

[54] Конфессиональный — [*лат.* — confessionalis] — вероисповедный, церковный. Видимо, применение этого определения к термину «немцы» следует считать вкладом историка Дж. Линда в филологическую науку.

[55] *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 102, примеч. 101.

[56] Там же. С. 102, примеч. 102.

Что касается моей работы, то Дж. Линд игнорирует мой исторический комментарий летописных событий 1188 г. к переводу А. А. Зализняка, кратко изложенный и в данной статье, зато на двух страницах (С. 200—201) возражает против высказанного мною тезиса, что географические названия, *как правило,* не переводились, что в целом соответствует информации источников. Действительно, в подавляющем большинстве случаев в письменных источниках названия населенных пунктов не переводятся, а даются в транскрипции, иногда до неузнаваемости изменяясь. В частности, например, Новгород в нижненемецких средневековых документах ни разу не назван Neustadt, а всегда — Nogarden, Nowgarden, Nauwerden и т. д.

В ответ на риторические вопросы и общие рассуждения Дж. Линда, призывающего бережно относиться к русскому летописцу, можно было бы задать по этому и другим поводам немало конкретных вопросов. Например, почему летописец одно название иноземного города переводит (Нючепинг — Новый Торг), а другое транскрибирует (Торсхэлл — Хоружек)?

Почему в окончании города появилось — *у*: *в Хоружку* (по-русски было бы *в Хоружке*)? Есть ли в летописи или в иных источниках подобные примеры? Из каких источников следует, что название шведов *свеями* было заменено термином «немцы»?

Говоря о присутствии русских в XII в. в Дании, на Готланде, а также в Торсхэлле и Нючепинге, автор утверждает, что «вполне естественно, что новгородцы бывали в тех местах в те годы», ссылаясь при этом только на данные археологических раскопок, указывающих на присутствие русских в долине оз. Меларен (С. 205). Однако не приводит аналогичных археологических свидетельств в городах Торсхэлл и Нючепинг. Есть ли они?

У автора своя система доказательств, где нет места «чужим» аргументам, он выбирает для критики избранные места, игнорируя наиболее существенные положения оппонентов.

Красной нитью через всю статью Дж. Линда проходит пафосная мысль о том, что летописная статья 1188 г. является важным источником «для определения степени активного участия новгородцев в балтийской торговле». С этого пассажа она начинается (С. 192, 196) и им же заканчивается (С. 205). По существу именно этот тезис заставил Дж. Линда возражать против нового перевода, при котором, по его мнению, летописная статья 1188 г. «теряет большую часть своей общеисторической ценности» (С. 196). Однако этот важнейший вывод автора никак не зависит от разных переводов рассматриваемой летописной статьи, предложенных И. П. Шаскольским и А. А. Зализняком. Напротив, в переводе А. А. Зализняка летописное известие 1188 г. обретает четкую грамматическую структуру и ясное историческое содержание. Тем самым оно становится полноценным надежным источником об активной торговле новгородцев в XII в. в Балтийском регионе, об утрате которого так горько сожалеет уважаемый оппонент.